

М.Н. Есакова, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Ю.Н. Кольцова, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: koltsova-73@mail.ru

ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСОВ (на материале произведений М.А. Булгакова)¹

Богатейшая система суффиксов в русском языке идеально приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоциональных отношений, причём не только нежных, ласкательных, но и множества других, для которых бывает порой даже трудно подобрать определение. Переводчик сталкивается с проблемой непереводаемости значения уменьшительно-ласкательных суффиксов. В этом отношении интереснейшим объектом изучения могут служить тексты произведений М.А. Булгакова. Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами связано у писателя с определённой художественной задачей. Они служат для передачи определённых эмоционально окрашенных коннотаций, не всегда связанные только со значением количества. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов во французском языке не столь распространено при словообразовании, именно с этим и связаны проблемы их перевода. Важно заметить, что стилистические нюансы употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов, имеющие большое значение для понимания булгаковской иронии, пронизывающей те фрагменты текста, где речь идет о представителях «нового времени», не передаются в переводе.

Ключевые слова: оценочные суффиксы, произведения М. Булгакова, проблема непереводаемости.

Maria N. Yesakova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Yulia N. Koltsova, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: koltsova-73@mail.ru

EVALUATION SUFFIXES IN MIKHAIL BULGAKOV'S WORKS: TRANSLATION DIFFICULTIES

The richest system of suffixes in the Russian language is ideally adapted for the expression of a vast range of different emotional relationships, not only gentle, affectionate, but many others for which it is sometimes quite difficult to find a definition. Translators face the challenge of untranslatability of diminutive-hypocoristic suffixes. In this respect,

¹ Статья написана по материалам выступления на международной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода» (май 2016, г. Афины).

the most interesting objects of texts studies can be texts by Mikhail Bulgakov in which the author uses various words with diminutive-hypocoristic suffixes in his pursuit of a specific artistic task, viz. to transmit certain emotionally-colored connotations not always related exclusively to the amount value. The use of diminutive-hypocoristic suffixes in French is not common in word formation, which poses translation problems. It is important to note that the use of the stylistic nuances of diminutive-hypocoristic suffixes is of great importance for the understanding of Bulgakov's irony, as well as penetrating those parts of the text that refer to the representatives of the so-called "new time" and are not conveyed in the translation.

Key words: evaluation suffixes, Mikhail Bulgakov's works, the challenge of untranslatability.

Художественный перевод — это один из самых сложных видов переводческой деятельности, он не ограничивается лишь областью языковедения и филологии, он, можно сказать, граничит с искусством. Как отмечает Н.К. Гарбовский: «Чаще всего о переводе как об искусстве говорят применительно к переводу художественных произведений. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на названия наиболее известных книг отечественных авторов, посвященных вопросам художественного перевода. Книга А.В. Фёдорова и К.И. Чуковского о художественном переводе называлась «Искусство перевода». Свою следующую книгу о переводе художественных произведений К.И. Чуковский назвал «Высокое искусство». И далее: «Перевод художественной литературы традиционно квалифицируется как некая своеобразная и ещё до конца не осмысленная область художественно-творческой деятельности, главным образом в силу того, что объектом перевода оказываются художественные произведения. Отнесение художественного перевода к искусству предопределяется художественностью оригинала» [Гарбовский, 2016: 459]. Таким образом, основная сложность при переводе художественных произведений заключается не только в передаче смысла, но и в передаче уникального авторского стиля произведения, его эстетики, богатства языковых средств, а также атмосферы, юмора, характера и настроения, заложенных в тексте. Теория художественного перевода должна раскрыть переводчику «многообразие отношений между разными языками и литературами, разнообразие стилистических возможностей и богатство того языка, на котором делается перевод, широту в выборе средств, предоставляемых им в распоряжение переводчика, указывая на отрицательный эффект, производимый дословным следованием языковым особенностям подлинника, на взаимосвязь и различие между методами перевода и методами оригинального творчества, и многое ещё другое», — отмечал А.В. Фёдоров [Фёдоров (2), 1983: 49].

В этом высказывании, определяющем практическую значимость теории перевода художественной литературы, Фёдоров обращает

особое внимание на разнообразие стилистических возможностей и на богатство выразительных средств переводящего языка. Таким образом, теория художественного перевода в корне отличается от теории и методологии юридического или научно-технического переводов, которые стремятся найти и описать средства, обеспечивающие предельную точность, «смысловую пунктуальность» при воспроизведении текстов.

Современная переводческая наука исходит из принципа переводимости: считается, что каждый высокоразвитый язык является «средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное на другом языке, в его единстве с формой» [Фёдоров, 1983: 22], и отсутствие в языке перевода отдельных компонентов значения слов, целых слов и фразеологических единиц может быть компенсировано иными языковыми средствами. Процесс перевода превращается, таким образом, в процесс непрерывного «поиска решений» [Швейцер, 1973: 264], позволяющих, в соответствии с основными принципами теории перевода, сохранять в переводе взаимосвязь формы и содержания, соотношение между частью и целым, свойственное тексту оригинала [Якименко, 1984: 15]. Переводчику приходится прилагать особые усилия для того, чтобы воспроизвести прагмастилистическую направленность исходного текста и тем самым обеспечить осуществление авторской интенции оригинала. Выбор переводческой стратегии при переводе стилистически окрашенных слов определяется стилистической функцией последних [Влахов, Флорин, 2006: 365].

Переводя художественные произведения с одного языка на другой, перед переводчиком нередко возникает ряд трудностей, связанных, прежде всего, с асимметрией в менталитете представителей той или иной нации. Разные культуры смотрят на предметы с различных точек зрения. Помимо этого, переводя художественный текст, необходимо учитывать, что в тексте перевода важную роль играет его прагматика. Под прагматикой мы понимаем отношение автора речевого произведения к высказыванию. В соответствии с принятой в современной семантике и лексикологии градацией прагматический аспект распространяется на само высказываемое суждение, на адресата и на описываемый предмет действительности — денотат (см.: [Апресян, 1995: 136–141]).

«Переводчику необходимо заботиться о достижении желаемого воздействия на рецептора в зависимости от цели перевода, либо воспроизведя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его. Изучение прагматических аспектов перевода составляет поэтому одну из центральных задач теории перевода» [Комиссаров, 1990: 145].

Таким образом, при переводе, помимо учёта денотативного и коннотативного компонентов содержания, следует учитывать также прагматический компонент, который представляет собой отношение между языковым выражением и участниками коммуникации — отправителем и получателем информации. В процессе перевода осуществляется как бы прагматическая адаптация исходного текста, т.е. внесение определённых поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текстов. Наряду с сопоставлением различных языковых систем, в процессе перевода происходит сопоставление разных культур. Прагматический фактор является одним из наиболее важных факторов, определяющих не только способ реализации процесса перевода, но и сам объём передаваемой в переводе информации.

Для передачи прагматического значения в языке используется достаточно большое количество средств, однако в данной работе нам бы хотелось остановиться на анализе лишь одного из способов передачи этого значения — использование суффиксов субъективной оценки. Следует отметить, что в лексическом составе языка часто присутствуют слова с определёнными коннотациями и семантическими оттенками, значение которых могут понять лишь носители данного языка.

Перевод слов с суффиксами субъективной оценки является особо сложной задачей. Это объясняется трудностями восприятия новой формы иностранного имени с чужеродным суффиксом субъективной оценки, несоответствия значения прилагательного значению суффикса и т.п. Для выбора подходящего перевода следует проанализировать контекст, понять, какой именно оттенок придаёт тот или иной суффикс слову, затем соотнести этот оттенок с соответствующей формой в языке перевода.

Хотя и существуют некоторые устоявшиеся нормы межъязыковых соответствий для слов с суффиксами субъективной оценки в той или иной языковой комбинации, нередко выбор эквивалента делается не в сторону установившейся нормы или традиции.

Богатейшая система суффиксов в русском языке идеально приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоциональных отношений, причем не только нежных, ласкательных, но и множества других, для которых бывает порой даже трудно подобрать определение. Переводчик сталкивается с проблемой непереводаемости значения уменьшительно-ласкательных суффиксов. Как передать разницу между словами «домик» и «домишко», «ружьишко» и «ружьецо», «тихонько» и «тихонечко», «заинька» и «заюшка» и т.д.? Сложность передачи суффиксов субъективной оценки заключается в том, что их семантика богата и не поддаётся каким-

либо шаблонам. В каждом новом предложении суффикс приобретает иное значение в зависимости от контекста. Более того, как правило, один суффикс передаёт как минимум два смысла (размер и отношение). При переводе нужно учитывать менталитет народа и не допускать избыточности или существенных потерь [Вартаньян, 1982: 67].

В этом отношении интереснейшим объектом изучения могут служить тексты произведений М.А. Булгакова. Рассмотрим некоторые примеры использования суффиксов субъективной оценки в произведениях этого писателя и то, каким образом они передаются в текстах их переводов на французский язык.

О.С. Ахманова определяла стилистически окрашенную лексику как «лексические единицы (однозначные слова или отдельные значения многозначных слов), характеризующиеся способностью вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста. Эта способность обусловлена тем, что в значении данных слов содержатся не только предметно-логическая (сведения об обозначаемом предмете) информация, но и дополнительная (непредметная) — коннотации» [Ахманова, 2004: 310].

Нужно отметить, что к стилистически окрашенной лексике в русском языке относятся и слова с уменьшительными суффиксами. Они довольно часто используются в качестве оценочной характеристики того или иного персонажа в произведениях М.А. Булгакова. Например, в качестве имён, с уменьшительными суффиксами *-очк-*, *-чк-*, *-чик-* или *-к-*, достаточно часто фигурируют такие слова, как: «водочка», «будочка», «графинчик», «селёdochка», «рюмочка», «лафитничик» и др.

Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами связано у писателя с определённой художественной задачей.

Дело в том, что критическое отношение к власти у Булгакова возникло с первых дней революции, которую он воспринял как «кровавую оперетку». Новая действительность для него являла собой разрушение традиционной культуры, нашествие хамов. «От хамов нет спасения», — пишет он в дневнике в 1924 году [Булгаков, 1990: 13]. В дневнике есть и такая запись: «Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей отражающимися в произведениях, трудно печататься и жить» [там же: 18]. Булгаков, по выражению А. Ахматовой, проявлял по отношению к послереволюционному миру «великолепное презрение».

Отношение Булгакова к этому миру было, несомненно, сатирическим. В письме Правительству СССР он пишет, что ему как сатирику нет места в советской литературе, так как «никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно не-

мыслима» [Булгаков, 1992, т. 5: 447]. Не проникая, по его собственному выражению, в эту «запретную зону», он высмеивал результаты политической деятельности властей: формирующийся на его глазах новый уклад жизни, разные стороны советского быта, новый язык, который он воспринимал как нечто чуждое для себя. Поэтому ирония Булгакова — это ирония отстранения. Авторская речь у него не сливается с речью героев. Автор разными способами дистанцируется от речи героев, как бы смотря на этот «новый мир» со стороны. Именно язык представителей власти или народных масс стал объектом насмешки и иронии писателя. Эта ирония отчасти передаётся при помощи слов с оценочными суффиксами.

Булгаковские персонажи, описываемые с нескрываемой иронией, достаточно часто употребляют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, причем это, прежде всего, касается названий напитков и блюд. Например, форма «*водочка*» нередко возникает на страницах его произведений. Таким образом, вождевленное отношение к потребляемому напитку служит у Булгакова одной из центральных характеристик его персонажей.

Напротив, в речи представителей «старой интеллигенции», например, профессора Преображенского, подобные формы слов не встречаются. Профессор Преображенский никогда не называет водку — водочкой, стакан — стаканчиком, рюмку — рюмочкой.

«Доктор Борменталь, умоляю Вас, оставьте икру в покое! Если хотите послушаться доброго совета, налейте не английской, а обыкновенной русской водки. <...> Дарья Петровна сама отлично готовит водку...» (Собачье сердце, с. 368).

Напротив, представитель «нового мира», Шариков, на протяжении всего произведения, использует только слово «водочка».

Борменталь налил Филиппу Филипповичу красного вина и предложил Шарикову.

— Я не хочу, я лучше водочки выпью.

Интересно отметить, что в пределах одной сцены чётко разграничено употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Даже авторская характеристика действий Шарикова и Борменталья включает в себя слова с оценочными суффиксами:

— А я ещё водочки выпью, — заявил он [Шариков] вопросительно.

— А не будет ли Вам? — осведомился Борменталь, — вы в последнее время налегаете на водку <...> Водки мне, конечно, не жаль <...> вы и без водки держите себя неприлично.

Шариков тем временем потянулся к графинчику и, покосившись на Борменталья, налил рюмочку.

Важно заметить, что подобные стилистические нюансы, имеющие большое значение для понимания булгаковской иронии, про-

низывающей те фрагменты текста, где речь идёт о представителях «нового времени», не передаются в переводе.

Рассмотрим несколько примеров:

*«Взметнулась волна горя, но подержалась, подержалась и стала спадать, и кой-кто уже вернулся к своему столику и — сперва украдкой, а потом и в открытую — **выпил водочки и закусил**. В самом деле, не пропадать же куриным котлетам де-воляй? Чем мы поможем Михаилу Александровичу? Тем, что голодные останемся?»* (Мастер и Маргарита, с. 377) — так выглядит эта фраза в оригинале.

Если обратиться к французскому тексту, то там мы обнаружим следующий перевод:

*«Une vague de douleur s'éleva, déferla, se maintint...puis retomba, et l'on commença à regagner sa table, et — furtivement d'abord, puis ouvertement — **on but un petit coup de vodka et on mangea un morceau...**»* (Le Maître et Marguerite, p. 98) — дословно интересующий нас фрагмент будет звучать так: *«...выпил глоток водки и съел кусок...»*.

Сравнивая две эти фразы, мы видим, что русский вариант не предполагает однократности действия, в то время как по-французски это явление налицо.

Таким образом, во французском переводе эта картина предстаёт перед нами следующим образом: те, кто подразумевается под неопределённым местоимением «*on*» разделяются на две группы: на тех, кто сначала украдкой выпил глоточек водочки и съел кусочек, и тех, кто это сделал это открыто.

По-русски же этот процесс охватывает одну и ту же группу людей, которые сначала украдкой, а потом и открыто, выпили и закусили.

Получается, что М. Булгаков в романе описывает множественный процесс, а переводчик передаёт этот процесс как единичный.

Таким образом, уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* в русском слове «*водочка*» не имеет семы небольшого количества, а обозначает лишь некую вожденность со стороны персонажей романа, над которыми иронизирует автор.

Интересно отметить, что во французском переводе оценочный компонент значения регулярно замещается количественным. Более того, невозможность передачи этого количественного компонента в самом слове, обозначающем продукт, вызывает необходимость компенсировать его в другом слове синтагмы, обозначающим либо посуду, либо глоток, либо неопределённое количество, то есть те категории, которые могут представлять большее или меньшее количество (*un petit verre, un coup, un peu...*).

Это отчётливо проявляется и в следующем примере:

*«Я и сам бы сейчас с удовольствием на **балкончике чайку** попил, вместо того чтобы здесь вариться»* (Мастер и Маргарита, с. 324).

«*Personnellement, je m'installerais avec plaisir à une terrasse pour boire un bon petit verre de thé, au lieu de rester à cuire ici*» (Le Maître et Marguerite, p. 93).

В России принято пить чай из большой посуды и, как модно было в 30-е годы XX века, из тонкого стакана в подстаканнике либо из большой фарфоровой чашки. Употребление же уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* в тексте М. Булгакова явно не имеет здесь значения количества, а подразумевает то, что герой, автор «популярных скетчей Загринов», с большим бы удовольствием посидел бы где-нибудь на балкончике с чашечкой чая. И выражение «попить чайку» с уменьшительно-ласкательным суффиксом имеет устойчивое значение — «приятное времяпрепровождение», которое и реализуется в данном контексте. Подтверждение этому мы находим и в следующей фразе «...*вместо того, чтобы здесь ва-рится*», противопоставленное «*балкончику и чайку*».

Если же перевести французскую фразу дословно, то получится, что герой хотел всего-навсего выпить чаю из «маленького стаканчика», о чём вообще не идёт речь в тексте оригинала. Переводчик старается передать значение уменьшительного суффикса *-к-* (*чайку*) через посуду с уменьшительным прилагательным *petit* и оценочным прилагательным *bon*, что создаёт совсем иное представление о чаепитии, так как глагол «попить» передаёт определённую продолжительность действия во времени и некоторым образом связан с количеством потребляемого (см. Словарь русского языка). Во французском же языке через посуду рисуется иная картина, больше свойственная французской культуре, так как слово *verre* употребляется с неопределённым артиклем «*un*» в данном случае скорее являющимся числительным «один».

Таким образом, картина, возникающая во французском тексте, предстаёт следующим образом: «*выпить где-нибудь на открытой террасе один маленький стаканчик чая*», хотя «какой-нибудь» (неопределённость) тоже возможна.

Иногда в русском языке оценка, выраженная уменьшительно-ласкательным суффиксом, может переноситься с предмета потребления на посуду. Так, следующая фраза демонстрирует нам не столько размер рюмки, сколько отношение персонажа к выпивке, над которым иронизирует Булгаков.

«*Никанор Иванович налил лафитничек водки и выпил, налил второй, выпил, подхватил на вилку три куса селедки... и в это время позвонили*» (Мастер и Маргарита, с. 367).

Русское «лафитничек» — «стопка или большая рюмка удлиненной формы» (Толковый словарь Ожегова), из которой обычно

пьют вино («лафит» — сорт красного виноградного вина). Данная форма, «лафитничек», с оценочным суффиксом демонстрирует не размер предмета, а положительное отношение персонажа, Никанора Ивановича, к тому, что в него налито. Помимо этого, явно прослеживается и ироническое отношение автора к этому герою и его действиям.

Во французском тексте обнаруживаем совсем иное обозначение предмета, конкретизирующее его предназначение как «посуда для определённого сорта вина» — «*verre à bordeaux*». Интересно, что переводчик в данном случае использует не привычное наименование «*verre à vin*», которое по замыслу должно демонстрировать размер (естественно, бокал для вина больше, чем рюмка для водки), а «*verre à bordeaux*», который меньше обычного бокала для вина. В то же время русское «лафит» полностью устраняется из французского перевода, хотя этимологически восходит именно к французскому языку.

«Nicanor Ivanovitch remplit de vodka un petit verre à bordeaux, le but, le remplit encore, le but, pêcha du bout de sa fourchette trois morceaux de filet de hareng... et on sonna à la porte» (Le Maitre et Marguerite, p. 149).

Как мы видим, и в этом случае для переводчика оказывается важным передать размер посуды, а совсем не отношение героя к тому, что он пьёт, и тем более не авторскую позицию по отношению к этому персонажу.

Прилагательное «*petit*» последовательно служит аналогом русского уменьшительно-ласкательного суффикса. Однако оно оказывается неспособным передать всю гамму оценочных значений, заключённых в русской суффиксальной форме.

С другой стороны, употребление оценочного прилагательного «*petit*» в выражениях «*un petit coup*», «*un petit verre*», «*un bon petit coup*».

Рассмотрим ещё один пример, из которого отчётливо видно, что уменьшительный суффикс *-очк-* выполняет здесь, прежде всего, оценочную функцию положительного отношения героя к желаемому напитку и, безусловно, сатирический взгляд автора на поведение данного персонажа:

«Арчибальд Арчибальдович, — водочки бы мне...

Пират сделал сочувствующее лицо, шепнул:

— Понимаю... сию минуту... — и махнул официанту» (Мастер и Маргарита, с. 340).

«Archibald Archibaldovitch, un peu de vodka me...

Le pirate prit un air de sympathie et murmura:

— Mais naturellement...tout de suite..., et il fit signe à un garçon» (Le Maitre et Marguerite, p. 115).

Писатель рисует следующую картину: ресторан уже закрыт и клиент не может рассчитывать, что его обслужат, и выражает своё пожелание в очень просящей форме.

Переводчик же совсем по-иному понимает этот эпизод и, следовательно, у него получается совсем иная картинка, более нейтральная. Герой обращается к официанту с обычной просьбой, не ставя себя в положение зависимого, униженного, но, делая акцент лишь на том, что это могло бы улучшить его состояние «...*un peu de vodka me...*».

Русское высказывание полностью завершено. Оно показывает ситуацию, не оставляя читателю каких бы то ни было вопросов. Суффикс *-очк-* из двух возможных значений, уменьшительного и ласкательного, в данном случае используется во втором, ласкательном, показывая отношение говорящего к предмету как к желанному.

Форма «...*бы мне*» довольно распространённая форма просьбы.

Французское же высказывание, во-первых, остается открытым, незавершённым, оно оканчивается местоимением «*me*», которое предполагает дальнейшее развитие высказывания, примерно «*me ferait du bien*» («мне бы не помешало», «было бы кстати»).

Форма «*un peu*», заменяющая суффикс *-очк-*, соответствует другому значению этого суффикса, а именно уменьшительному, таким образом, обратный перевод этой фразы может выглядеть следующим образом: «немного водки мне бы...»

Картина, заключённая во французском высказывании, имеет ту же актантовую модель, что и описанная в русском тексте. В этой модели основными актантами являются: клиент — администратор — предмет потребления. Но отношения между актантами оказываются различными.

Ситуация, описываемая русским высказыванием, демонстрирует несколько униженное, зависимое положение клиента по отношению к администратору ресторана — феномен, свойственный русской культуре советского периода. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить описание портрета администратора. «*Вышел на веранду черноглазый красавец с кинжальной бородой, во фраке и царственным взором окинул свои владения*» (Мастер и Маргарита, с. 327).

Во французской фразе ситуация оказывается адаптированной под французскую культуру, где клиент в ресторане занимает по отношению к владельцу заведения или администратору либо более высокое, либо равное положение.

Таким образом, уменьшительно-ласкательные суффиксы являются характерной чертой словообразования в русском языке, передающей эмоционально окрашенную коннотацию. Но использование уменьшительно-ласкательных суффиксов не столь распространено при словообразовании во французском, с чем и связаны проблемы

их перевода. Многие авторские коннотации, раскрывающие отношение автора к персонажам с помощью данных морфологических средств, остаются вне поля зрения читателей текста перевода.

Свидетельствует ли это об ограниченности художественной выразительности перевода. Отчасти, да. Но вдумчивый переводчик, поняв, что единицы перевода, наделённые с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов особыми коннотациями, неизбежно утрачивают в переводе часть значений, попробует найти им какую-либо компенсацию, либо постарается убедить читателя, что тот соприкасается с «чужой» и не всегда понятной культурой.

И, наконец, следует иметь в виду, что менталитет читателя текста перевода также имеет свои особенности. Нельзя исключить, что французское определение *petit*, замещающее морфологические формы русского языка (уменьшительно-ласкательные суффиксы), способно вызвать у носителя французского языка близкие чувства вожеления и пр.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. науч. тр. / ИЯ АН СССР. М., 1988.
- Aprésjan, U.D.* Pragmatische informacija dlja tolkovogo slovarja [Pragmatic information for an explanatory dictionary], *Pragmatica i problemi intensional'nosti*, Sb. nauch. tr., IA AN USSR, Moscow, 1988 (in Russian).
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.
- Akhmanova, O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [A Dictionary of Linguistic Terms], Moscow: URSS: Editorial URSS, 2004. (in Russian).
- Булгаков М.А.* Под пятой. Мой дневник. М.: Правда, 1990., С. 13.
- Bulgakov, M.A.* Pod Pjatoj. Moy Dnevnik. [Under the thumb. My diary], Moscow: "Pravda", 1990, pp. 13 (in Russian).
- Булгаков М.А.* Правительству СССР // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М.: Художественная литература, 1992.
- Bulgakov, M.A.* Pravitel'stvu USSR [To the USSR government], Bulgakov M.A. Sobranie Sochinenij v piaty tomah. Vol. 5, Moscow: "Khudozhestvennaya Literatura", 1992 (in Russian).
- Варатьян Э.* Путешествие в слово. М.: Советский писатель, 1975.
- Varatjan, E.* Puteshestvie v slovo [Trip to the word], Moscow: "Sovetskiy pisatel", 1975. (in Russian).
- Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 2006. 448 с.
- Vlahov, S.I., Florin, S.P.* Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation], Moscow, 2006, 448 p.
- Гарбовский Н.К.* Перевод: ремесло, искусство, теория // О переводе. М.: Форум, 2016.

- Garbovskij, N.K.* Perevod: remeslo, iskustvo, teorija. O perevode [Translation: craft, art, theory], Moscow: Forum, 2016 (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода: Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990.
- Komissarov, V.N.* Teoria perevoda: lingvističeskie aspekty [Translation theory: linguistic aspects], Moscow: Vischaya shkola, 1990 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* (1) Основы общей теории перевода. М., 1983, 303 с.
- Feodorov, A.V.* (1) Osnovi obshey teorii perevoda [General theory of translation: fundamentals], Moscow 1983. pp. 303 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* (2) Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983. С. 49.
- Feodorov, A.V.* (2) Iscusstvo perevoda i jizn' literaturi [The art of translation and life of literature]. Leningrad, 1983, pp. 49 (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973. 280 с.
- Shveycer, A.D.* Perevod i lingvistica [Translation and linguistics]. Moscow, 1973. pp. 280. (in Russian).
- Якименко Н.В.* Каламбур как лингвостилистический приём в английском языке и пути его воссоздания в переводе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 26 с.
- Akimenko, N.V.* Kalambur kak lingvističeskiy priem v angliyskom iazike i puty ego vosstanovlenija v perevode [A pun as a linguostylistic method in the English language and the ways of its reconstruction in translation], extended abstract of candidat-s thesis philology, Kiev, 1984, pp. 26 (in Russian).

Источники

- Булгаков М.А.* Собачье сердце. Санкт-П.: Кристалл, 1998.
- Boulgakov, M.A.* Coeur de chien: Traduit du Russe par Michel Pétris, Paris, 1996 (in Russian).
- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Санкт-П.: Кристалл, 1998.
- Boulgakov, M.A.* Le Maitre et Marguerite: Traduit du Russe par Claude Ligny, Paris, 1997 (in Russian).